

«ФИГАРО», ПАРИЖ.

— В ИКТОР ГЮГО, Клод Лелуш, Жан-Поль Бельмондо: три знаменитых имени, к которым вполне применим эпитет «популярный». Это слово вам всегда нравилось...

— Да, потому что оно означает прямой контакт с публикой. Популярность — великая вещь для актера. Для меня быть «звездой» не значит ничего, если это отдаляет меня от публики. Став известным, я никогда не менял своих привычек да и вообще образа жизни. Я не люблю надевать черные очки именно потому, что люблю прямую контактировать со зрителями. От них я всегда получаю самые лестные комплименты, поэтому против всяких «сезаров» и прочих призов. Подлинное вознаграждение за труд получаешь только от зрителей. Когда они в твоём театре аплодируют, кричат «браво». Или просят на улице автограф. Я любил и люблю это, ибо в этом наша награда. Не важно, кто стучался в двери мастерской моего отца — чаще всего молодежь, — он всегда открывал и давал советы. Когда я потихоньку становился известным, к нему подчас приходили из-за меня. Отец принимал всех, говоря: «Эти люди любят тебя, их нужно выслушать и дать автограф». И он был прав.

— Признаться, не случайно вы сегодня играете одного из величайших героев мелодрамы. Ведь сама мелодрама — в высшей степени жанр популярный. Не правда ли?

— Мелодрама — самая прекрасная вещь, поскольку в ней меньше всего посредников между историей и публикой. Она трогает сердца всех, причем моментально. Зрители целиком отождествляют себя с персонажами. После спектакля они готовы ждать предателя у входа, чтобы выразить ему свое презрение! «Сирано» Ростана — самая великая мелодрама, а Виктору Гюго присущ тот же дух, впрочем, Лелушу тоже. В фильме будут смех и слезы, возмущение и сочувствие. Такова жизнь и, значит, такова и кино. Вам не читают морали и не дают советов. Ведь фильмы создаются совсем не для того, чтобы учить зрителей. Это не школа. Фильм «Отверженные» подтверждает, что несправедливость существовала всегда. Всегда существовали массовые казни, и нам всегда говорили, что это больше не повторится. Правда Гюго всегда остается правдой. Клод Лелуш же выступает посредником между ним и нами.

— Не думаете ли вы, что он использует в основном ваши личные качества, например, любовь к классике и популярность?

— Полагаю, он подумал об этом. Он видел меня в «Кине», другой прекрасной мелодраме. Мы и переработали ее вместе. Лелушу больше всего понравилось смешение лиризма и народности. Что касается меня, то всем, наверно, известно, как трудно актеру найти роль, которая раскрыла бы различные грани его таланта. Вы можете получить превосходные, но одноплановые роли. Вы будете играть их с полной отдачей, но они такими же одноплановыми и останутся.

— Кто из режиссеров произвел на вас самое большое впечатление?

— Произвел впечатление — не то слово, которое бы я подобрал. Нравится тот, кто сумел взять у тебя то лучшее, чем ты располагаешь...

— И кто же взял лучшее у вас?

— Годар и Лелуш.

— Почему?

— Потому, что это люди дела. Им удается полностью раскрепостить актера, совершенно его не подавляя. Кстати, именно крупные роли «делают» актера. Излишне говорить, что играть Сирано или Кина в определенном смысле легче, чем выходить на сцену со словами: «Мадам, кушать подано». Но иногда можно и не гнушаться маленькими ролями.

— Ваши любимые фильмы?

— Говоря откровенно, я не берусь судить о своих фильмах. Меня часто упрекали за участие в лентах Верней и Лотне, но я безмерно уважаю этих режиссеров, и, если бы не сыграл в этих картинах, я никогда не поставил бы «Ставиского», «Безумного Пьеро» и «Сирену» «Миссисипи», то есть фильмы, пользующиеся теперь любовью. Необычные воспоминания связаны у меня с фильмом «Человек из Рио». Нас было человек тринадцать, каждый со своим маленьким чемоданчиком. Все было поставлено ужасающе плохо, мы сами тянули кабель от одного объекта к другому, и я вместе со всеми делал все к ужасу продюсера. Было очень интересно! Я всегда любил приключения, с которыми стол-

кнулся и у Лелуша. Вы знаете, что каждое утро с вами что-нибудь произойдет. Не знаете только, что именно. Приходится постоянно быть начеку, и это очень возбуждает.

— Сегодня, достигнув пика кинокарьеры, как бы вы охарактеризовали Бельмондо-актера. Каков его вклад в искусство?

— Не знаю, пусть об этом скажут зрители. Во всяком случае, я пытался их развлечь, а для меня именно в этом состоит задача актера. Дать людям возможность на два часа забыть о том, что происходит в мире, об их неприятностях и заботах. Не представляю, в чем ином может состоять миссия актера, ибо я всегда развлекал других, развлекался сам. Я бы ваю очень растроган, когда люди го-

Саре Бернар, о Ремю... Я верю в души, живущие в этом театре. Я себя там хорошо чувствую. Поставленный мною спектакль «Обед дураков» не сходит со сцены вот уже полтора года, и мне очень приятно видеть своих друзей, видеть, что этот театр живет.

— Много ли времени вы посвящаете отбору и поиску пьес?

— Очень много читаю сам. К тому же у меня есть люди, которые отбирают для меня пьесы. Почему сегодня так трудно руководить театром? Потому что практически нет современных авторов, которые писали бы для широкой публики. Хотя у каждого театра публика своя.

— Будучи прекрасным актером, символом актерского успеха, не хоте-

вас: хорошее здоровье и настроение. А существует ли нечто, что вас время от времени раздражает?

— Конечно, например, налоги! В принципе мне в основном незначительно жаловаться на судьбу. У меня много друзей, не имеющих работы, и я знаю, как это тяжело. Множество актеров сидят без работы во всем мире, к несчастью.

— Что вызывает вашу тревогу и озабоченность?

— Я чувствую себя несчастным, видя, что частные театры лишены всякой поддержки. Так скоро в театрах не останется ни одного зрителя. Это большая ошибка, им надо помогать.

— Как им можно помочь? Дотациями?

— Я сожалею, что театры, получающие дотации, ставят на государственные деньги пьесы, которые живут на сцене не более месяца. Это не театр. Это справедливо также и для кино, хотя и с некоторыми оговорками. Прекрасно, что возвращается развлекательное кино.

— Вы думаете, что сегодня проблема французской культуры состоит именно в этом?

— К несчастью, во Франции испытывают стыд перед развлечениями, а ведь в жизни необходимо быть немного несерьезным. Есть молодые актеры, которых я очень люблю, прекрасная смена, но они лишь стремятся к самовыражению. Пусть зритель выбирает, воспринимает то, что хочет. Именно когда вы находитесь на сцене, необходимо дать волю эмоциям. Зачем умничать, изрекать замшелые истины? Комедия достаточно трудное дело. Я верю, что каждый из нас явился на землю с какой-то целью. Ее надо осуществить. Жизнь вам преподнесена в дар.

— Короче говоря, вы считаете, что французская культура страдает интеллектуализмом.

— Скорее ложным интеллектуализмом. Интеллектуал ведь намного проще. Играя Кина, я общался со многими интеллектуалами, друзьями Сартра, которые были настолько просты, что я поражаюсь, читая заумные статьи о них в газетах. В «Кине» они стремились найти описанное Сартром и Дюма.

— Вы стоите особняком во французском кино еще и потому, что всегда веселы...

— Я всегда был таким. Однако бузотерство не мешало мне работать. Я не лентяй. Во время съемок я испытываю потребность совершать какие-то идиотские поступки совсем не ради забавы, а для того, чтобы снять напряжение. Я уважаю актера, который серьезно относится к своему делу, скрупулезно в течение трех часов гримируюсь и беспрестанно твердя свою роль. Но принадлежу я к иной школе. Я испытываю постоянную потребность в шутливости. Мне приходилось встречать режиссеров, подобных Мельвилю, считавших, что я не воспринимаю фильм всерьез. Тогда у нас возникали всякие разногласия. Но в тот момент, когда режиссер произнес слово «мотор», мое лицо приобрело нужное выражение, я погружался в работу. Однажды Мельвиль сказал мне: «Идите сосредоточьтесь в грим-уборной». Я ответил: «Предупреждаю вас, если я, по-вашему, сосредоточусь в грим-уборной, то усну». И действительно заснул. С тех пор он больше никогда не просил меня сосредоточиться.

— С УЛЫБКОЙ —

— Здравствуйте, я ваш взломщик, а это мой адвокат.

«Дейли экспресс», Лондон.

— Две вещи всегда поражают в

Жан-Поль Бельмондо без грима и черных очков

Ж.-П. Бельмондо: «Я пытался развлечь зрителей». Фото «Камбио-16», Мадрид.

воят: спасибо за то, что дали нам возможность забыть...

— Вы не любите участвовать в решении общественных проблем?

— Каждый занимается тем, чем хочет. Моя общественная жизнь — это одно, а остальное касается лишь меня. Например, за кого я голосую. Вообще-то я не люблю менять свои взгляды.

— Оставим в стороне вашу общественную жизнь. Поговорим о личной...

— Мне повезло, я счастлив в семейной жизни. У меня четверо внуков, три мальчика и девочка. Они занимают все мои мысли. Мать также играет в моей жизни большую роль. Когда в моем возрасте имеешь счастье общаться с 94-летней матерью, сохраняющей ясный ум и потрясающую способность видеть вещи как бы со стороны, это большая удача. Я ежедневно захожу к ней после занятий спортом и провожу с ней все уик-энды.

— Чем вы с ней занимаетесь?

— Читанием. К несчастью, мама потеряла зрение, поэтому я ей читаю. Раньше она рисовала, вела дневник и очень много читала. Теперь всего этого ей очень недостает, но она никогда не жалуется. Поэтому разве я посмею бы жаловаться, имея перед глазами такой пример? Мать — источник моих сил. Она жизнерадостна, как ребенок! Прекрасно, когда в старости люди остаются любознательными и живут не только воспоминаниями.

— Она следит за вашей карьерой?

— Она большой критик, ничего мне не спускает! Мой отец находил превосходным все, что я делал, мать же наоборот. И это вновь заряжает меня энергией.

— Чем еще заполнены ваши дни?

— Есть театр, куда я хожу на работу ежедневно. Театр — это сказка! Когда я только иду туда, у меня уже улучшается настроение. Зал театра «Варьете» так красив! Я люблю там находиться, думаю об актерах, играющих на этой сцене. О Фредерике-Метре, который создал здесь Кина, о

Trevelyanerf Жан-Поль 26.05.95